

Вне закона и ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A. Safina

Вне закона и любви

«Автор»

2026

Safina A.

Вне закона и любви / А. Safina — «Автор», 2026

Иногда, чтобы спасти того, кто тебе дорог, приходится шагнуть прямо в ад. Оказавшись в полной власти жестокого и властного Кристиана, она становится пешкой в опасной игре, где права на ошибку нет. Кристиан привык подчинять и забирать всё без остатка. В его руках она — лишь трофей, но с каждым днём грань между взаимной ненавистью и всепоглощающей страстью становится всё тоньше. Чувства к человеку, которого она должна была ненавидеть, пугают своей силой и заставляют задыхаться от сжигающего чувства вины. Ведь в её сердце всё ещё живёт Тьяго — тот, ради кого она пошла на эту жертву. Она предала свою свободу, но готова ли отдать свою душу? Сохранить верность настоящей любви, пройти через искушение тьмой и не потерять себя — это главное испытание. Какую цену придется заплатить, чтобы вырваться из плена и вернуться к тому, кому на самом деле принадлежит её сердце? Остросюжетный роман о преданности, прохождении через тьму и любви.

© Safina A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Талия	7
Глава 2. Кристиан	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

А. Safina

Вне закона и любви

Пролог

Зеркало было огромным — в человеческий рост, но казалось великанским: в нём отражался кто-то чужой. Я сидела неподвижно, как статуя, и смотрела, как чужие руки укладывают мои волосы. Слез больше не было. За три месяца я свыклась с мыслью, что стану женой человека, которого ненавижу всей душой.

Рука сама легла на живот, скользнула по ткани халата — словно пыталась защитить крошечное чудо, единственное, что осталось от моей прежней жизни.

— Мисс... Можем приступить к макияжу? — тихо спросила девушка лет тридцати. У неё были мягкие черты лица, спокойный взгляд, но держалась она настороженно. Здесь всем запретили болтать, сочувствовать, задавать вопросы. Только работать и ухаживать.

— Да. Конечно, — равнодушно кивнула я.

Пока кисточки скользили по коже, в голове крутилась одна мысль: три месяца прошло с того дня, как я передала письмо Айрис. Добралось ли оно до него? Жив ли он?

Перед глазами встал его силуэт — тот самый, из коридора университета, когда он поймал меня. Тогда всё казалось возможным.

Сейчас — ничего.

Что бы он сказал, узнав про ребёнка? Оставил бы меня, спрятал там, где Кристиан никогда не найдёт? Или сам пришёл бы к нему, чтобы всё закончить? Я не знала. И от этого становилось тяжелее.

— Дорогая! Какая ты красивая! — в комнату ворвалась мама.

Её голос звучал так, словно ничего не случилось: будто она не продала меня, чтобы закрыть долги, будто мы по-прежнему семья. Я стиснула зубы. Родители вызывали во мне не горечь даже, а отторжение — как яд, разъедающий изнутри.

«Я знала, что она не умеет любить. Знала, что каждый раз, когда я верила ей, она предавала меня. Так почему я тогда поверила?» — мысль крутилась, как заезженная пластинка.

— Выйди, — процедила я сквозь зубы.

— Талия, милая, в такой день родные и близкие должны быть рядом. Я понимаю твоё волнение, — она говорила искренне, по-матерински, и от этого становилось жутко: неужели она правда не видит, что сделала? Или ослепла от того, что её проблемы наконец решились?

— Вот именно. Родные и близкие. Ты неходишь ни в одно из этих понятий, — холодно отрезала я.

Она вздрогнула, как от удара. Но теперь не могла ударить в ответ: за это ей грозило потерять не только моё уважение, но и голову.

Я резко встала, подошла вплотную, посмотрела прямо в глаза:

— Пошла вон.

В её взгляде мелькнул привычный властный гнев, но она тут же потушила его — поняла: власть здесь не у неё.

— Но...

— Пошла вон. Или я вызову охрану, — сказала ледяным тоном, который сама едва узнавала.

Она молча кивнула, развернулась и вышла, тихо прикрыв дверь.

Я повернулась к девушке, которая делала мне причёску, та стояла неподвижно, боясь даже дышать:

— Позовите Нейтлин. Быстро.

Та коротко кивнула и выскользнула из комнаты.

Я снова опустилась в кресло, прижала ладонь к животу и прошептала:

— Прости. Прости, что втянула тебя в это. Но я найду способ всё исправить. Обещаю.

Повернулась ко второй девушке, махнула головой:

— Продолжайте.

Она коснулась кистью моего лица и тихо, едва уловимо сказала:

— Я вас понимаю. Несколько лет назад я сама была в вашей ситуации. Но помните: после чёрной полосы идёт белая. Жизнь — это зебра.

Она улыбнулась так, как должна была улыбаться моя мать в день настоящей свадьбы — той, которую выбрала бы я.

— Пока мне кажется, что выхода нет. И это меня убивает. Но у меня осталось то, ради чего я хочу жить, — я снова погладила живот.

— Мой муж был отвратителен. Я ненавидела его. Он хотел наследника и добивался этого в любое время и в любом месте. Я была не женой, а инкубатором. А у меня каждый раз были выкидыши — потому что он напивался и избивал меня. Так шло по кругу, пока я не нашла смелости ответить ему. Этот мир отвратителен. Я знаю, каково это.

— И где ваш муж сейчас?

— Там, где ему самое место. Умер от передозировки алкоголем, — она хитро улыбнулась, и я поняла, что она ему помогла.

— Макияж закончен. Можем одевать платье.

В комнату зашла Нейтлин — на ней не было лица. Так было последние месяцы: казалось, она переживает сильнее, чем я. Спасибо моему благоверному, что хоть с ней мне можно общаться.

— Нейт, поможешь надеть платье?

Она только кивнула. Моя живая девочка стала чернее тучи. В её глазах читалась вина, но винить её было не за что: она спасала меня всё это время. И была в той же ловушке, что и я.

Глава 1. Талия

Я стояла перед зеркалом, вглядываясь в собственное отражение. Платье цвета слоновой кости впитывало приглушённый свет комнаты, становясь то светлее, то темнее — словно само пространство дышало вместе со мной. Корсет туго стягивал талию, подчёркивая хрупкость, будто хотел напомнить: я здесь не по своей воле, я — тонкая грань между гордостью и падением. Ткань, плотная и благородная, была расшита тончайшим золотым узором: витиеватые завитки сплетались в орнамент, похожий на старинные гравюры. Длинные рукава из полупрозрачного кружева ложились мягкими складками — они едва скрывали очертания рук, словно не решались прятать меня целиком. Юбка ниспадала тяжёлыми волнами, образуя многослойные драпировки: каждый слой отличался фактурой и степенью прозрачности, создавая иллюзию глубины. Казалось, в этих складках таится целая история — история, которую никто не прочтёт. Шлейф стелился по тёмному дереву пола, а его край, отороченный изящной вышивкой, мерцал при каждом движении: миниатюрные цветы и листья покрытые инеем, переливались, как намёк на холод, который уже поселился внутри. В этом платье не было торжества — только тяжесть ожиданий, немой укор и обречённость.

За моей спиной стояла Нейтлин — как щит, как единственный человек, который не хотел выпускать меня из этой комнаты, где ещё можно было дышать. Стук в дверь прозвучал неожиданно громко отрезая путь назад.

— Талия, пойдём... — отец робко склонил голову. Я знала: он чувствовал вину, в отличие от матери. Но это не делало его невиновным — вина его была не меньше, просто она носила другой оттенок: стыд вместо равнодушия.

Нейтлин сжала мою руку и посмотрела мне прямо в глаза. Я коротко кивнула. Я была готова. Не сдамся. Стану сильнее и не позволю больше себя сломить. Подошла к отцу, положила руку на сгиб его локтя. Серый костюм, синий галстук — сдержанно, со вкусом, он хотел выглядеть достойно хотя бы внешне.

— Прости меня, — тихо произнёс отец, виновато глядя на меня, пока мы шли по проходу церкви к алтарю.

— Заткнись, — отрезала я ровным, почти безжизненным тоном, в котором всё же звенела сталь. — Ты больше не имеешь права со мной говорить. Запомни: это последний раз, когда мы стоим рядом и я делаю вид, что всё хорошо. Последний день, когда ты можешь называть меня дочерью.

— Я понимаю и принимаю твоё решение. Но...

— Никаких «но». Всё. Больше нас ничего не связывает. Я помогла вам. Отплатила за воспитание и образование.

Он только кивнул. Ничего не ответил. И в этом молчании я даже почувствовала странную благодарность: он хотя бы не пытался спорить, в отличие от матери, которая продолжала жить в своём иллюзорном мире, искренне веря, что теперь всё будет хорошо.

Мы шли по проходу между скамьями. Все встали, их взгляды были прикованы ко мне. Кристиан смотрел пристально, выражение лица оставалось непроницаемым — ни торжества, ни сожаления. Я не могла понять, о чём он думает. А взгляды гостей были ехидными, почти хищными: они знали, что это не любовь, а расчёт. Знали, что я — его покупка, его трофей. И от этого каждый шаг давался тяжелее.

Отец передал мою руку в руку Кристиана и поцеловал меня в лоб — он ставил последнюю точку в старой истории. Я встала рядом с Кристианом перед священником, и тот начал церемонию.

— Возлюбленные дети мои, вы пришли сюда, дабы соединить свои судьбы перед Богом и людьми. Брак — не просто союз двух сердец, но таинство, в коем двое становятся единой плотью и единым духом.

Он повернулся к Кристиану.

— Имеешь ли ты, Кристиан, произволение благое и непринуждённое, твёрдое намерение взять в жёны Талию, пред всеми свидетельствуя о своей любви и готовности хранить верность ей до конца дней своих?

— Имею.

Священник повернулся ко мне.

— И ты, Талия, имеешь ли искреннее желание стать женой Кристиана, обещая ему преданность и поддержку во всех путях жизни?

Я смотрела то на Кристиана, то на священника, то на гостей. В груди всё сжалось: после моего ответа пути назад не будет. Ни для меня, ни для ребёнка, которого я носила.

— Имею, — голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

— Да будут ваши слова запечатлены не только в памяти присутствующих, но и в книге небесной. Примите эти кольца как знак чистоты, славы и ответственности, возлагаемые на вас ныне.

Он передал кольцо Кристиану. Тот взял мою руку, чтобы надеть его. Кольца были одинаковыми — старинными, из золота, в изысканном винтажном стиле. Сложный ажурный орнамент: витиеватые завитки и растительные мотивы, выполненные в технике рельефной гравировки, создавали эффект утончённости. По периметру тянулись дорожки из мелких прозрачных бриллиантов — они подчёркивали рельеф узора и добавляли украшению сияние. Внутренняя часть ободов была оформлена узорами из мелких отверстий, придавая изделиям декоративность.

Священник передал мне кольцо для Кристиана. Я взяла его руку в свои — и меня начала бить крупная дрожь, которую невозможно было скрыть. Он накрыл мои руки своей второй ладонью. Я подняла на него взгляд, и он едва заметно кивнул. В этот миг в его глазах мелькнуло что-то похожее на уязвимость — будто и ему не было всё равно. Но я тут же прогнала эту мысль: нельзя было позволять себе видеть в нём человека. Нельзя было давать слабину. Я надела кольцо и снова повернулась к священнику.

— Господь да благословит ваш союз, да укрепит его в испытаниях и преумножит радость в счастливые дни. Пусть любовь ваша будет терпелива, милосердна и вечна. Жених может поцеловать невесту. Аминь.

Кристиан потянулся ко мне, и в этот момент мне отчаянно захотелось сбежать. До меня окончательно дошло: только что я перечеркнула свою жизнь. Его лицо приближалось, будто в замедленной съёмке, и он коснулся моих губ лёгким, невесомым поцелуем. Не стал целовать жадно, не стал клеймить при всех: «Теперь ты моя». И от этой сдержанности стало только страшнее — она говорила о власти куда громче крика.

К нам начали подходить гости, поздравлять. Каждое слово звучало как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба моей прежней жизни. Я улыбалась — ровно, безупречно, как учили. Улыбка не касалась глаз, но этого никто не замечал.

После церемонии мы не поехали ни в особняк, ни в обычный ресторан. Кортёж свернул к побережью, и вскоре перед нами раскинулся комплекс, больше похожий на элитный курорт, чем на место для банкета. Широкие террасы спускались к морю, между колонн вились живые виноградные лозы, а вместо тяжёлых штор — лёгкие полупрозрачные ткани, которые шевелились от морского ветра. Столы стояли полукругом у самой воды, и казалось, праздник растворяется в шуме прибоя, становясь частью пейзажа.

Мы вошли на террасу, и тёплый ветер тут же подхватил шлейф моего платья, потянув его вперёд, словно торопил. Гости уже собирались, кто-то смеялся, кто-то вполголоса обсуждал

детали, но стоило нам появиться — разговоры стихли, а потом снова поплыли, уже вокруг нас, как волны вокруг скалы.

Банкет развернулся легко, почти непринуждённо: официанты бесшумно скользили между столами, поднося блюда, это была не еда, а произведения искусства. Хрустальные бокалы ловили отсветы фонарей и рассыпали по скатертям крошечные искры. Но для меня всё это было декорацией — красивой, дорогой, но чужой.

Гости снова подходили, и Кристиан знакомил меня с ними — будто представлял не жену, а новый актив.

— Это Джеймс Харрингтон и его супруга Эмили Харрингтон. Джеймс — связующее звено между отделами и внешними партнёрами. Он держит в голове все договорённости, помнит, кто кому что обещал, и не даёт никому «забыть» свои обязательства. Его календарь — это нервная система всей фирмы.

«Фирмы», — мысленно повторила я, едва сдерживая горькую усмешку. Да, я уже поняла, чем они занимаются. Мафия — это криминал. Только красиво завуалированный, упакованный в дорогие костюмы и вежливые улыбки. Я мягко улыбнулась, не разжимая губ. Эмили смотрела на меня с нескрываемым осуждением, а на Кристиана — с обожанием, между ними существовала особая связь, куда более прочная, чем брак. А сам Джеймс разглядывал меня так, словно я стояла перед ним обнажённая.

— Это Ноа Тейлор и его супруга Миа Тейлор. Ноа — городской советник с фокусом на социальную справедливость. Он продвигает программы доступного жилья, реформу полиции и поддержку молодёжи. Его особенность в том, что он не просто голосует — он ездит по районам, встречается с активистами, лично проверяет, как работают его инициативы.

Эта пара выглядела чуть привлекательнее остальных. Миа была милой, явно в положении, и в её взгляде не было ни презрения, ни любопытства. Ноа держался ровно, не выражая ни отвращения, ни восторга, и за это я была ему благодарна — он не пытался меня оценить.

— А это Карлос Гарсия и его супруга София Гарсия. Карлос — переговорщик и медиатор. Это имя, которое уважают другие семьи. Он улаживает конфликты между кланами, договаривается о зонах влияния и гарантиях.

Знакомствам не было конца. Лица сливались в одно размытое пятно, имена оседали где-то на периферии сознания. Но вечер постепенно подходил к концу, и я чувствовала странное, почти болезненное облегчение — и вместе с тем леденящий страх перед тем, что начнётся, когда мы с Кристианом переступим порог его особняка.

Наконец прозвучали последние поздравления, и Кристиан едва заметно кивнул кому-то из своих людей.

Охрана подошла к нам мощный внедорожник «Мерседес». Машина блеснула в свете фонарей хромированными деталями и плавно остановилась у ступеней. Водитель, в идеально сидящем костюме, открыл заднюю дверь с едва слышным щелчком.

— Пора, — тихо сказал он, не глядя на меня, но протягивая руку.

Я на секунду замерла, словно ещё могла выбрать — остаться здесь, среди полустёртых лиц и фальшивых улыбок, или шагнуть дальше. Но выбора не было. Вложила ладонь в его руку — холодную и твёрдую. Он не сжал её, просто удержал, фиксируя факт: я с ним.

Кристиан пропустил меня вперёд, и я скользнула в салон. Внутри автомобиль оказался просторным и комфортным, каждая деталь говорила о роскоши и статусе. Кожаные сиденья, дерево на панелях, ненавязчивая подсветка создавали атмосферу уюта и защищённости. Кристиан сел рядом, и внедорожник плавно тронулся с места. Я смотрела через тонированные стёкла на удаляющийся свет фар других машин и чувствовала, как напряжение этого дня наконец-то отпускает меня.

— Долго ехать? — спросила я, сама удивившись, что вообще заговорила. Голос прозвучал непривычно тихо.

Кристиан чуть повернул голову, но не стал отвечать сразу. Он смотрел вперёд, туда, где дорога уходила в темноту, будто там, в этой темноте, прятался ответ на все вопросы.

— Не очень, — наконец произнёс он ровно, без интонаций. — Скоро будешь дома.

Слово «дом» прозвучало странно — оно не имело ко мне никакого отношения. Но я не стала спорить. Просто снова отвернулась к окну и прошептала про себя, так тихо, что даже сама едва услышала:

— Посмотрим, что это за дом.

Внедорожник свернул на широкую аллею, ведущую к внушительному особняку. Свет фар выхватывал из темноты величественные колонны и высокие окна будущего дома. Когда машина остановилась у входа, я поняла, что это место станет моей тюрьмой или спасением — в зависимости от того, как я смогу себя здесь проявить.

Я вышла первой, шлейф платья скользнул по ступенькам, как прощальный жест. Кристиан последовал за мной, не предлагая руку, не пытаясь поддержать — просто шёл рядом. Дверь распахнулась, и навстречу нам шагнул дворецкий — немолодой, сдержанный, с лицом, будто высеченным из того же камня, что и стены.

— Добро пожаловать, господин Кристиан. Добро пожаловать, госпожа Талия.

Последнее слово прозвучало как приговор, окончательно запечатавший этот день.

Кристиан прошёл вперёд, не оглядываясь. Я помедлила на пороге, в последний раз оглядываясь назад — туда, где дорога терялась среди деревьев, а море оставалось где-то далеко, за горизонтом. Потом глубоко вздохнула и переступила порог. Дверь закрылась за мной с тем же глухим, окончательным звуком, что и дверь машины. Только теперь это был не просто щелчок замка — это был рубеж.

Кристиан оставил меня и пошёл вглубь дома, растворяясь в полумраке коридора, сам дом поглощал его, как нечто родное и привычное. А ко мне подошла женщина лет пятидесяти — строгая, но не холодная, в простом тёмно-сером платье, с аккуратно собранными волосами. Мы направились к лестнице, затем по коридорам.

— Это ваша спальня, — проговорила она, открывая дверь в роскошную комнату. — Меня зовут Дженни. По всем вопросам обращайтесь ко мне. Вот это внутренний телефон домашних работников. Если вам что-то понадобится, позвоните. На тумбе возле кровати лежит список номеров.

Она протянула мне мобильный с кнопками — такой, как в старых сериалах: крупный, с большими цифрами.

— Господин Кристиан попросил вас готовиться ко сну и не ждать его.

Я машинально взяла телефон, ощущая его непривычную тяжесть. Пальцы скользнули по шершавой поверхности корпуса, и на секунду мне стало почти спокойно от этой старомодной простоты — в нём не было ничего лишнего, никаких скрытых смыслов.

— Подскажите... А я могу с ним связываться по этому телефону?

Дженни чуть кивнула:

— Да. Там есть номер его кабинета и личный.

Она положила свою руку мне на щеку — тёплую, чуть шершавую, по-матерински заботливую. И прошептала:

— Не бойтесь никого в этом доме. Даже самого Кристиана. Вас никто не обидит.

А потом резко убрала руку и поспешила к выходу, словно испугалась собственной слабости. Но перед тем как выйти, остановилась и добавила:

— Завтра вас вызовет Кристиан и даст распоряжения по всему остальному. Если пожелаете, я могу позвать вас к завтраку, когда он спустится.

— А сегодня я его не увижу? — спросила я, сама удивляясь, как в этом вопросе смешались и надежда, и страх.

— Он сказал, чтобы вас никто не беспокоил.

— Ясно. Спасибо.

Дверь закрылась. Щёлк. Ещё один замок, ещё одна граница.

Я осталась одна.

Комната была огромной, но не давила размерами — скорее, прятала меня в своей роскоши, как в коконе. Тяжёлые бархатные шторы приглушали свет, кровать с резным изголовьем манила усталостью, а на столике у окна стоял поднос: фарфоровый чайник, чашка, блюдо с крошечными пирожными, кто-то заранее знал, что мне понадобится хоть капля уюта.

Я подошла к окну и отодвинула край шторы. За стеклом чернел сад — бесформенный, густой, полный теней. Где-то там, за этими деревьями, оставалась дорога, по которой мы приехали, огни побережья, прошлая жизнь... но отсюда их не было видно. Казалось, дом отгородил меня от всего, что я знала. Положив телефон на тумбочку, я провела ладонью по гладкой поверхности дерева. Потом медленно сняла тяжёлые заколки из волос — они упали на столешницу с тихим стуком, как маленькие колокольчики. Платье, такое красивое ещё несколько часов назад, теперь казалось кандалами: корсет стягивал грудь, ткань кололась, каждый шов напоминал о том, что меня нарядили, как куклу, для чужого торжества. С трудом распустив шнуровку, я наконец сбросила платье — оно упало к ногам тяжёлой волной, будто само не хотело расставаться со мной. Надела мягкую ночную сорочку, которую кто-то предусмотрительно разложил на кровати, и села на край постели.

Тишина в комнате была не пустой — она была плотной и насыщенной, дом дышал и прислушивался ко мне. Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать хоть каплю тепла: я не боюсь темноты. Я боюсь того, что наступит утром, когда Кристиан назовёт мне правила этого дома — и моей новой жизни.

Телефон на тумбочке говорил: помощь есть, стоит только нажать кнопку. Но я знала, что не нажму. Не сегодня. Сегодня я должна была остаться наедине с собой — чтобы собрать осколки той Талии, которая ещё помнила, каково это — выбирать свой путь.

В голове была только одна мысль, крутившаяся, как заезженная пластинка: «Тяго, прости».

Тяго

Три месяца. Теперь я капо клана Чарлинес. Вся власть у меня — и тяжесть её я чувствовал не в плечах, а в груди, каждый вдох теперь должен был быть оправдан делом. За это время я успел многое: перекроил старые маршруты, выбил новые зоны влияния, заставил тех, кто раньше смотрел на нас свысока, теперь поглядывать с опаской. Но впереди было ещё больше. Гораздо больше.

Я посмотрел на свою руку: на мизинце тускло поблёскивало кольцо капо с эмблемой нашего клана — змея, обвивающая кинжал. Не украшение, не трофей. Печать. Обещание. Кристиан за всё ответит. Я не позволю клану снова упасть, не позволю, чтобы наши люди снова стояли с протянутой рукой. Я заберу всё, что по праву моё.

Временами ярость слепила меня, накатывала горячей волной, и тогда приходилось стискивать зубы, сжимать кулаки, заставлять себя дышать ровно и думать ясно. Потому что ярость хороша для драки, но не для войны. А я вёл войну.

— Тяго, мальчик мой. Какой у тебя дальше план? — отец сидел за столом, склонившись над картой мира. Булавки, цветные метки, стрелки — всё это было его языком, его способом видеть мир. Он не смотрел на меня, боялся, что если поднимет глаза, то увидит во мне не сына, а кого-то чужого.

Я сидел на краю стола, покачивая в руке стакан с виски. Янтарная жидкость плескалась, отражая свет лампы, и на секунду мне показалось, что там, в этом отблеске, мелькает её лицо. Талия.

— Планы большие, отец, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без надрыва. — Сначала Ирландия и Великобритания — там слабые звенья, старые долги, которые пора взыскать. Потом Италия. Дальше начнём штурмовать Южную Америку. А затем... затем пойдём прямо к Кристиану.

Отец наконец поднял на меня взгляд. В нём не было одобрения, но и не было отказа — только что-то похожее на боль.

— У меня только один вопрос. Это ради клана... или ради неё?

Я чуть прищурился, от его слов вдруг стало слишком светло.

— Ну что за вопросы. Конечно, ради клана. Это чистая правда. А она... она будет моим бонусом, когда Кристиан падёт.

Слова легли на стол между нами. Я почти поверил в них. Почти.

— Власть тебя ослепляет, — вмешалась Айрис. Её голос прозвучал резко, как щелчок кнута.

Она стояла у двери, прямая, собранная, в красном костюме, который делал её похожей не на женщину, а на остриё клинка. После развода в прошлом месяце она стала нашим главным советником — человеком, который зачищал территорию от ненужных людей, убирал хвосты и закрывал дыры в обороне. Теперь между нами не было ничего личного. Только работа. И только правда — даже если она резала.

— Айрис, твоё дело — выполнять приказы и решать незначительные вопросы, — бросил я, не глядя на неё.

— Я делаю свою работу, — спокойно ответила она, подходя ближе. Каблуки чеканили по полу, отсчитывая секунды до взрыва. — И сейчас я вижу, что тобой движет не желание сделать клан сильнее. А месть.

Я резко повернулся к ней, и в этом движении было столько напряжения, что воздух сгустился.

— Это уже мои дела.

— Нет, дорогой. Если ты начнёшь тонуть, то и мы все пойдём ко дну.

— Не нагнетай, а? — рявкнул я. Но она даже не дрогнула. Только чуть приподняла бровь — так, как умела только она: с этой смесью презрения и заботы, от которой хотелось одновременно выгнать её и обнять.

Я встал, и вышел на балкон. Ночной воздух ударил в лицо, пытаюсь остудить жар, который никак не уходил. Заходящее солнце окрашивало небо в багровые тона, само небо знало, что скоро прольётся кровь. Где-то там, за этими огнями, за этими улицами, сейчас она. Талия. Думает ли она ещё обо мне? Согласилась бы бросить всё и уехать, если бы я пришёл за ней прямо сейчас?

За спиной послышался стук каблуков. Айрис встала рядом нарушая молчания:

— Это было сегодня. Сегодня она стала его женой. И сейчас она в его доме... в его постели. Готов ли ты будешь подобрать после него?

Её слова ударили точно в цель, в то самое место, которое я прятал даже от себя. Я сжал кулаки так, что побелели костяшки, а кольцо впилося в кожу.

— Я был её первым. Это он подбирает моё. Я просто заберу своё.

— Главное, чтобы к тому моменту она осталась твоей, — тихо добавила Айрис, и в её голосе не было ни язвительности, ни вызова.

Я не ответил. Просто смотрел, как последние лучи солнца гасли в небе, и пытался удержать в голове одну мысль: месть — это не чувство. Это стратегия. Холодный расчёт. И я сыграю её до конца.

Но где-то глубоко внутри, там, куда я не пускал никого, царапалась другая правда: я шёл не просто за властью. Не просто за кланом. Я шёл за ней. И если ради того, чтобы вернуть Талию, мне придётся разрушить полмира — я это сделаю. Без колебаний. Без сожалений.

Потому что она — единственное, что ещё заставляло моё сердце биться так, будто оно хотело вырваться из груди и полететь туда, где она сейчас. Даже если этот путь вёл прямо в ад.

Глава 2. Кристиан

Первые дни брака оказались тяжелее, чем я ожидал. Я знал, на что иду, понимал, что Талия не сдастся просто так. Но не думал, что она начнёт испытывать моё терпение с такой скоростью — будто нарочно искала трещины в моей броне, чтобы бить точно в них.

— Не думал, что ты такой терпеливый, — усмехнулся Рикардо, развалившись в кресле и поигрывая зажигалкой.

— Думаю, это исключительно его дело, — отозвался Марко, спокойный, собранный, единственный, кто не пытался превратить мой брак в повод для дешёвых шуток.

— Её просто нужно умирить. Кристиан, у тебя выдержка, конечно, хорошая. С такой женой я бы первые месяцы вообще из кровати не вылезал, — ехидно оскалился Алекс.

Алекс был тем ещё типом — не пропускал ни одной юбки, но при этом оставался отличным работником. Иногда я думал, что именно эта его бесстыжая наглость и делала его полезным: он не боялся заходить туда, куда другие не решались.

— Алекс, закрой рот, — отрезал я, не повышая голоса, но так, что в комнате стало на пару градусов холоднее. — Это моя жена. И, Рик, о моём терпении ты должен знать как никто другой — раз до сих пор жив.

Рик громко рассмеялся, но тут же оборвал смех под моим пристальным взглядом. Он знал цену этим шуткам. Знал, что я могу простить многое, но не переступал черту. Пока.

— Итак, что у нас? — обратился я к Марко. Из всей этой компании он был самым вменяемым.

Он протянул мне папку:

— Ситуация с южными складами выходит из-под контроля. Люди Альвареса дважды проехали мимо. Это не случайность.

Я не торопился, просматривая каждую деталь отчёта. Пальцы скользили по строчкам, а перед глазами вставали маршруты, точки пересечения, слабые места. В этом мире слабые места стоили жизней.

— Прощупывают, — наконец произнёс я. — Значит, думают, что у нас появились слабые места. Хотят проверить, насколько мы уязвимы.

— У них новый поставщик через порт. Если они закрепятся там, наши маршруты станут дороже, а сроки — рискованнее.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение стягивает плечи.

— Значит, нужно сделать так, чтобы они поняли: мы не ищем войны, но и не позволим диктовать условия. Марко, свяжись с капитаном. Предупреди: если хоть один контейнер с их меткой пройдёт без нашего ведома, он потеряет не только работу, но и возможность спокойно спать по ночам.

— Сделаю. Но это только отсрочит проблему. Альварес не из тех, кто отступает после пары предупреждений.

— Я и не жду, что он отступит, — я провёл ладонью по столу, будто стирая невидимую пыль. — Я жду, что он сделает следующий шаг. И когда он это сделает, мы будем готовы. Мне нужно знать, кто из его людей колеблется, кто недоволен. В каждой стае есть тот, кто хочет выжить, а не быть героем. Найди таких.

— Мы работаем над этим. Есть пара имён. Но если Альварес почувствует, что мы копаем под его людей. Тогда он может ударить первым.

— Пусть чувствуют. Пусть думают, что мы суеёмся. Суета делает людей предсказуемыми, а предсказуемость — это уязвимость.

В этот момент на столе тихо завибрировал телефон. Я бросил на него короткий взгляд и снова перевёл его на своих людей.

— Ещё одно: отец Талии хочет встречи. Говорит, что не может спать спокойно, пока не увидит дочь.

Марко поморщился, будто услышал что-то неприятное:

— Этот человек продал собственную дочь, чтобы закрыть долги, а теперь хочет сыграть роль заботливого отца. Это даже не смешно.

— Это не смешно, — согласился я. — Но он — часть уравнения. Пока он жив и на свободе, он может быть либо нашим рычагом, либо проблемой. Рико, проверь, с кем он встречался за последние три дня. Узнай, не пытается ли он искать союзников за моей спиной.

— Сделаю.

Я встал, давая понять, что встреча подошла к концу.

— И ещё: никто не должен знать о поездке в Испанию. Ни слова. Если кто-то спросит — я на переговорах с поставщиками. Точка.

— Понял. Но вы уверены, что сейчас самое время отвлекаться на это?

Я на секунду замер. В голосе появился оттенок, который мои подчинённые редко слышали, — не угроза, а почти личное признание:

— Это не отвлечение. Это страховка. Пока Талия верит, что Тьяго в безопасности, она не будет делать глупостей. А если она начнёт делать глупости, у Альвареса появится ещё одна лазейка. Мы не можем позволить себе ни того, ни другого.

Я подошёл к окну и посмотрел на город. Для меня он был не просто местом, а полем битвы, где каждый квартал имел свою цену. Где даже тень могла скрывать угрозу.

— Мы держим всё под контролем. Даже то, что кажется неподконтрольным.

— Сделаем всё, как скажете, дон Кристиан, — Марко встал, собираясь уходить.

Когда дверь за ними закрылась, я ещё несколько секунд постоял у окна. Затем достал телефон, открыл тот самый чат с отчётом по Испании и написал одно короткое сообщение:

«Держать дистанцию. Никаких контактов. Только наблюдение».

Только после этого я позволил себе на секунду закрыть глаза. Тяжесть решений, где не было правильных ответов, а были только последствия.

Я сел обратно за стол, открыл папку с пометкой «Альварес» и снова пробежал глазами по строчкам: маршруты, люди, слабые звенья. Всё выглядело логично. Всё выглядело правильно. Налоги в нашем деле — как карта шторма: она показывает, где берег, но не гарантирует, что ты до него доплывёшь.

«Найди тех, кто хочет выжить, а не быть героем», — сказал я Рико, и это была чистая правда. В этой игре героями становились только мёртвые, а мне нужно было, чтобы все оставались живыми — хотя бы настолько, чтобы держать линию.

Потом я открыл другой файл — тот, который не должен был лежать здесь, среди отчётов о ставках и процентах. Фото с камеры наблюдения: улица, солнечный свет, Тьяго за столом. Обычная сцена, обычная жизнь. И от этого она казалась почти преступлением, потому что у меня такой не было.

Отец Талии — вот ещё один узел, который хотелось просто перерезать. Человек, который продал собственную дочь, чтобы закрыть долги, а теперь хотел увидеть её, убедиться, что она в порядке. Как будто можно было стереть то, что ты сделал, одним взглядом. Как будто можно было вернуть право выбора, просто посидев рядом.

— Хватит, — сказал я вслух отгоняя эти мысли. — Сейчас не время для моральных терзаний. Сейчас время для решений.

Я взял телефон и набрал Рико:

— Рико, слушай: по отцу Талии никаких встреч, пока я не скажу.

— Понял, сделаем.

«Держи слово», — повторил я про себя, как мантру. Потому что это была правда. Потому что если я перестану в это верить, то не смогу смотреть ей в глаза. Даже когда она смотрит на

меня с презрением, мне кажется, что в этом презрении есть что-то честное. Что-то, чего не было в улыбках моих союзников и клятвах моих врагов.

Марко ворвался без стука в мой кабинет:

— Кристиан, есть кое-что. Только что пришло. Наши люди добыли информацию. Дьявол, который стал доном клана Чарлинес.

Я не поднял голову. Не потому, что мне было всё равно, а потому, что не хотел, чтобы он видел, как на меня это действует.

— Ты уверен?

— Три источника. Все подтверждают. Старый дон отошёл, передав власть Тьяго, это его сын — ближайший наследник. Совет клана уже признал его.

Клан Чарлинес — не самый крупный, но с глубокими корнями, давними связями и традициями, которые ценили больше золота. Если Тьяго стал их доном, он перестал быть беззащитным мальчишкой, которого можно было припугнуть. Он стал игроком — равным или, может быть, даже опаснее, потому что у него есть то, чего нет у меня: повод для ненависти.

— Мои угрозы теряют смысл. Я не смогу угрожать дону целого клана. Это не тот человек, которого можно держать на поводке.

— Именно. Есть ещё кое-что: если Тьяго узнает, что мы держали его имя как рычаг давления на Талию, он не просто обидится. Он придёт со своими людьми, и это будет не разговор, а война.

Я кивнул. Марко был прав. Я и сам это понимал. Пока Тьяго был никем, моя угроза работала. Но стоит ему получить власть — и карта переворачивается. Если она узнает, что ему больше ничего не угрожает, она перестанет бояться. А страх был единственным, что удерживает её.

Стук в дверь разорвал тишину кабинета.

— Кристиан! Талия пошла в сад, снова никого не предупредив. Пока я её искала, вся разволновалась. Я понимаю, что ей тяжело, но мне не пятнадцать, чтобы следить за каждым её шагом! — ворвалась Дженни, тараторя без остановки. В её голосе слышалась не просто тревога — в нём была настоящая паника.

Я достал бархатную коробочку из ящика стола и направился к выходу в сад. Нашёл её возле озера: она сидела на берегу и смотрела на своё отражение. Её плечи были напряжены, а пальцы сжимали подол платья так сильно, что руки побелели до локтей.

— Талия?

Она вздрогнула, будто забыла, что не одна, и медленно подняла голову. В её глазах я увидел столько боли и злости, что на мгновение мне стало нечем дышать.

— Что, я опять что-то сделала не так?

— Дженни волновалась, пока искала тебя. Талия, это теперь не тот мир, в котором ты жила. Здесь опасно.

— Даже в твоём доме?

— Пока ты одна — да.

— Когда ты наконец вызовешь меня и мы обговорим правила? Что я могу и чего не могу? Прошло уже несколько дней, а ты просто меня игнорируешь. Я хожу по этому дому и не понимаю, что мне можно, а что нет.

Я достал из кармана коробочку и протянул ей:

— Держи. Это тебе.

Она взяла её, но не открыла. Просто повертела в пальцах, не зная, что с ней делать.

— Я понимаю, тебе тяжело. И тебе нужно время, чтобы привыкнуть. Но не испытывай моё терпение.

— Да пошёл ты! Я потеряла свою жизнь из-за твоей прихоти.

Её слова ударили точно в цель. Я сжал кулаки, но заставил себя говорить ровно:

— Поверь, не будь ты со мной, ты бы ещё долго сталкивалась с лицемерием.

— Это лицемерие было по твоему приказу! Ты сказал родителям, чтобы они относились ко мне хорошо.

— Это плохо?

— Да! Так бы я не строила иллюзию, что мать способна на перемены и что я ей не безразлична.

— А твой милый Тьяго?

— А что он?

— Ты бы так и оставалась в неведении, кто он и кем является.

— И что? Может, это обошло бы нас стороной.

— Он бы не развёлся с ней, и ты всю жизнь была бы его любовницей в той квартире.

— Развёлся бы.

— Нет. И из этого мира просто так не выйти. Особенно полу противоположному твоему.

Она вскочила на ноги и собралась уйти, но я перехватил её запястье и притянул к себе. Она пыталась вырваться, но я крепче сжал ее руку.

— Сегодня в пять — ужин. Оденься прилично. Я познакомлю тебя с людьми, к которым ты можешь обращаться в случае чего, с теми, кто будет тебя защищать и оставаться рядом. И ещё: подготовься к вечеру. Пора узаконить наш брак.

Её тело будто парализовало. Казалось, она даже не могла сдвинуться с места. Её глаза расширились, а губы чуть приоткрылись, она хотела что-то сказать, но не могла найти слов.

— Тебе пора привыкать к мысли, что я буду участвовать в жизни этого ребёнка как его отец. Даже если тебе это не нравится. — я положил руку ей на живот.

— Он только мой, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько боли, что мне захотелось отпустить её, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но я не мог. Не сейчас.

Мне не нравилось быть для неё козлом. Но сейчас она не примет моё хорошее отношение. Слишком гордая. Будем действовать постепенно.

Я кивнул Алексу, который стоял неподалёку:

— Забери её в комнату. И чтобы не выходила до пяти.

Она вырвала свою руку из моей хватки и направилась в сторону дома, прямая, как натянутая струна, готовая в любой момент лопнуть.

— Твой отец хотел встречи. Я согласился. Нельзя же рушить родственные связи, — крикнул я ей вслед, прежде чем успел подумать.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Слова повисли в воздухе. Зачем я это сказал? Зачем вообще её провоцирую? Веду себя как подросток в пубертате, у которого вместо аргументов — колючки.

Талия даже не обернулась. Просто шла вперёд, прямая, будто каждое слово, которое я бросаю ей в спину, ударялось о невидимую броню и падало к её ногам бесполезным мусором.

Я позвонил Рико и попросил подойти к озеру. Пока ждал его, смотрел на воду. Что она видела в своём отражении? Хотела ли найти лазейку, чтобы сломать меня? И догадывалась ли, что она и так уже сломала?

Каждая её истерика режет по живому. Каждый её отказ делает больно. Разве я виноват, что полюбил её и не смог жить без неё? Даже позволил встречи с тем ублюдком в надежде, что мне станет противно от того, что она уже не будет полностью моей. Но чувства не проходили. Они становились только сильнее, а незнакомое чувство ревности разрывало изнутри.

— Звал? — голос Рико прозвучал неожиданно, и я чуть вздрогнул, возвращаясь в реальность. Он стоял в паре шагов. В этом была его ценность: он никогда не лез с вопросами, если их не задавали.

— Подготовь рекомендации для Талии: что ей можно и нельзя. К трём чтобы у меня был на согласовании. И, сука, найди что-нибудь на Тьяго и на её отца. Я хочу уничтожить их.

Рико кивнул, не моргнув и глазом. Для него это были не эмоции, не драма — это была работа. И в этой отстранённости было что-то почти утешительное.

— Будет сделано, — коротко бросил он и уже развернулся, чтобы уйти.

Когда он ушёл, я снова остался один на один с тишиной и рябью на воде. Озеро будто смеялось надо мной: гладь казалась такой спокойной, такой безмятежной, а под ней наверняка шевелились тёмные течения, готовые утянуть на дно.

Я провёл ладонью по лицу, стирая невидимую усталость.

«Я не пытаюсь её сломать, — мысленно повторил я, пытаюсь убедить самого себя. — Я пытаюсь её удержать. В этом мире, где каждый второй хочет её использовать, я единственный, кто может её защитить. Даже если она ненавидит меня за это».

Но в глубине души я понимал: защита — это не только стены, не только люди с оружием и закрытые ворота. Защита — это ещё и правда. А я сегодня солгал. Не кому-то чужому, а ей. И эта ложь легла между нами ещё одним кирпичиком в стену, которую я сам же строил.

Я посмотрел на воду, пытаюсь разглядеть в отражении хоть какой-то намёк на правильный путь. Но видел только себя — усталого, злого, запутавшегося мужчину, который слишком много должен.

«Ладно, — подумал я, заставляя себя собраться. — Сначала порядок. Сначала контроль. А потом... потом я попробую говорить с ней честно. Хоть раз. Если она вообще захочет меня слушать».

Я смотрел, как рябь на воде медленно затихает, и думал о том, что самое страшное в этой войне — не враги, не пули, не предательство. Самое страшное — это когда ты не знаешь, кого защищаешь: её... или себя.

Время приближалось к пяти. Правила для Талии были согласованы, отпечатаны, проверены трижды — и всё равно я волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Моё тело сотрясала нервная дрожь: я то застёгивал, то расстёгивал манжету, то поправлял запонки, будто от того, насколько ровно они сидят, зависело, примет ли она эти правила... или выдвинет свои. А если выдвинет — что тогда? Я ведь не мог уступить в главном: в её безопасности. Но и сломать её гордость не хотел.

— Кристиан, милый. Талия уже спускается, — Дженни вошла в кабинет бесшумно и остановилась в дверях, глядя на меня с той смесью строгости и нежности, с которой когда-то вытирала мне разбитые колени и отчитывала за очередную глупость.

— Спасибо. Уже иду, — бросил я, не оборачиваясь. Потому что Дженни знала меня слишком хорошо. Она бы увидела эту уязвимость даже через мой затылок. И я не хотел, чтобы сегодня она её видела.

— Будь с ней мягче, — она подошла ближе, но не тронула, не положила руку на плечо — просто стояла и смотрела, пытаюсь вложить в этот взгляд всю ту мудрость, которую накопила, вытаскивая меня из передраг. — Она чувствует себя загнанной в ловушку. Ты знаешь, я была против этого брака. Но я всё равно рада, что твоё сердце не окаменело. Не ломай её. Она не твоя работа. Не твои подчинённые. Если хочешь, чтобы однажды она почувствовала к тебе то же, что и ты к ней, будь чуть мягче. И не пытайся её провоцировать.

Я всё же повернулся к ней. Было глупо прятать от неё свои чувства. После смерти отца именно Дженни взяла на себя обязанности не просто экономки, а той, кто не даст мне окончательно потерять человеческий облик. Она воспитывала меня, поддерживала, когда мать, глядя на меня, видела лишь черты отца — и ненавидела их. Когда я стал старше, на мои плечи легло не только отцовское наследство, но и забота о Нейтлин, пока матери нужны были только деньги.

— О чём ты? — спросил я, хотя прекрасно понимал.

— О том, что ты ей сказал про отца. Я слышала. Но я также знаю, что ты не позволишь этой встрече состояться. Ты полюбил её ещё тогда, когда она прибежала к нам маленькой, была

подругой Нейтлин. Потом чувства стали уже не как к сестре. Ты полюбил её по-настоящему, когда она расцвела. И Нейтлин всегда рассказывала тебе, что творится у неё в семье. Ведь ты не давал ей сломаться окончательно, контролируя её родных.

— Дженни, всё. Не хочу об этом думать сейчас. Не перед встречей с ней.

— Именно сейчас и нужно об этом подумать, чтобы не натворить глупостей во время ужина.

Я ничего не ответил, просто прошёл мимо и направился в столовую. Дженни тихо вздохнула мне вслед, но не стала удерживать.

Талия стояла возле стола и смотрела на сервировку, пытаясь прочесть в расположении приборов и бокалов свою судьбу. Она была прекрасна — и в этой красоте было столько хрупкости, что у меня внутри всё сжималось.

— Почему не садишься? — спросил я, первым нарушая тишину.

— Не знаю, позволено ли мне это, — ехидно парировала она, но в этом ехидстве я услышал не столько дерзость, сколько попытку защититься.

В моменты, когда она не переходила границы, мне это даже нравилось. Я подошёл ближе и отодвинул для неё стул. Она села, а я направился к своему месту — на противоположном конце стола. Я специально выбрал такое расположение: не хотел смущать её своим присутствием ещё больше.

— Поужинаем или сразу приступим к обсуждению?

— Давай я сначала прочту, а в процессе трапезы мы будем обсуждать, что для меня приемлемо, а что нет.

Я кивнул и подал знак Марко. Он молча подошёл и положил перед Талией папку с правилами, но ручку оставил у себя — предусмотрительно. Но рядом с ней лежали ножи. Я усмехнулся про себя: да, она могла бы попытаться, если бы захотела. Но я знал — она не станет. Не сейчас.

Она начала читать, и я видел, как её брови всё сильнее сдвигаются к переносице, как в глазах разгорается тот самый упрямый огонёк, который я успел выучить.

— Я не заложница, — резко произнесла она, подняв на меня взгляд, в котором смешались обида и вызов.

— Нет. Но это твоя безопасность, — спокойно ответил я, хотя внутри всё кипело. Она дошла до пункта, где говорилось, что она не имеет права выходить за пределы территории без моего ведома, а на территорию особняка — без ведома Дженни или Алекса.

— Я не хочу, чтобы моим сопровождающим был Алекс. Он меня пугает, — проговорила она, и в её голосе впервые прозвучала не бравада, а настоящая уязвимость.

Она была права: Алекс не тот человек, с кем я хотел бы оставлять её. Но Рико и Марко пока были нужны мне для других дел.

— Через пару недель мы найдём замену. Рико или Марко, — сказал я, стараясь звучать твёрдо, но не жёстко.

Марко перевёл на меня взгляд явного недовольства. Ему не хотелось быть «нянькой». Но он не понимал, что она для меня значит.

— Почему тут нет пункта про супружеский долг? — вдруг спросила Талия, глядя мне прямо в глаза, проверяя, дрогну ли я.

— Потому что я от тебя его не требую, — ответил я без колебаний.

Она посмотрела на меня с явным недоверием, и я продолжил:

— Пойми, ты сейчас не в том положении, чтобы меня удовлетворять. Я не могу делать с тобой то, к чему привык, из-за беременности.

Её лицо исказилось гримасой отвращения — не от слов, а от самой ситуации, от того, как грубо и безжалостно мир расставил нас по своим местам.

— Ладно. Могу я помогать Дженни на кухне? Мне скучно. Я не знаю, чем себя занять.

— Если не попытаешься меня отравить, то да.

— А так хотелось, — она показала мне язык — и в этом детском жесте было столько жизни, столько непокорности, что я едва сдержал улыбку.

Но вот Рико сдерживать себя не стал — он заржал во весь голос, чем напугал Талию.

— Познакомься, это Рико. Он не всегда серьёзен в некоторых вопросах, поэтому не обращай на него внимания. Но что касается защиты — он один из лучших.

— То есть Марко, Рико и Алекс — это твой ближний круг, и они будут находиться рядом всегда?

— Да. Остальную охрану ты видеть не будешь. По крайней мере, я сделаю так, чтобы они не попадались тебе на глаза.

— Если тебе нечем заняться, можешь продолжить учёбу на высшую степень, — неожиданно предложил Марко, от чего я едва не потерял дар речи. Этот сукин сын даже не обсудил это со мной.

— Как вариант, — пробормотала Талия, будто пробуя слова на вкус. — Но всё же я хочу проводить больше времени в библиотеке и с Дженни на кухне. Остальные меня пугают. Как и ты.

— Талия! — предупредил я, чтобы она не переходила границы.

— Молчу. Хорошо. Я согласна. Но если у меня будут какие-то идеи, я подойду ещё к тебе.

— Если идеи касаются дома — не подходи. За пределами территории требую полного согласования.

— Я могу идти? — Талия резко встала из-за стола и направилась к лестнице.

— Прошу, доешь ужин. Я хочу быть уверен, что ты сыта.

Она собиралась вернуться к столу, но вдруг резко согнулась пополам и упала на пол, держась за живот. Я вскочил со своего места так быстро, что стул с грохотом опрокинулся.

— Талия, милая, с тобой всё в порядке? — кричал я, но она не отвечала, только плакала — так тихо, что, если не смотреть на её лицо, этого можно было даже не понять.

Я подхватил её на руки и понёс в комнату.

— Вызовите Хариша. Срочно!

Войдя в комнату, я положил её на кровать и накрыл одеялом. Гладил по волосам и шептал, будто эти слова могли удержать реальность на расстоянии:

— Тшш... Сейчас приедет доктор. Всё будет хорошо. Не переживай, с вами всё будет хорошо. Я не позволю случиться плохому. Обещаю.

Спустя полчаса приехал доктор Хариш и провёл осмотр. Он сказал, что завтра ей нужно в больницу для дополнительного осмотра, но пока её жизни и жизни ребёнка ничего не угрожает. Просто стресс. До завтра — постельный режим.

Я проводил его до выхода и направился на кухню к Дженни.

— Я хочу сделать для неё чай. И что-нибудь сладкое. Она любит медовик.

Пока я заваривал чай, Дженни молча положила в тарелку кусочек торта. Я взял поднос и направился к Талии. Постучал в дверь и не входил, пока она не сказала, что можно.

Я сидел рядом, пока она пила чай и ела кусочек медовика. Потом укрыл её одеялом и поцеловал в макушку.

— Спокойной ночи, моя милая Талия. И не пугай меня больше.

— Спокойной ночи, — тихо прошептала она.

Я уже направился к двери, но она снова окликнула меня:

— Кристиан.

— Да?

— Спасибо. Я думала, что ты позволишь ему умереть.

— Я не позволю умереть тем, кто делает тебя живой. Ни твоему ребёнку. Ни даже Тяго.

— Спасибо, — она закрыла глаза, и я увидел, как напряжение медленно покидает её тело.

Мне было больно от того, что я согласился не уничтожать Тяго, но пока он был жив — её состояние оставалось в норме. И это было единственным, что имело значение.

Сидя в кабинете, я пил виски. Рико, Марко и Алекс окружили меня, как коршуны, ждали, пока я скажу, что это был за приступ нежности.

— Ты никогда не был мягким. Что она с тобой сделала? — спросил Марко. И от того, что это спросил именно он — человек, которому обычно были безразличны мои чувства, — мне стало даже страшнее, чем если бы это сказал Рико. Ведь Марко понимал: от моих чувств зависит моя работа, и сейчас они стали моей лазейкой для врага.

— Она не виновата. Виноват только я. Я позволил себе больше, чем мне положено. Позволил себе любить.

Рико хмыкнул, будто хотел что-то сказать, но передумал. Марко просто кивнул, принимая этот ответ как факт, который нужно учитывать в расчётах. Алекс молчал — впервые за долгое время.

Я посмотрел на янтарную жидкость в бокале, на то, как она медленно перекачивается от одного края к другому, и подумал, что раньше моя жизнь была простой: враги, сделки, угрозы, контроль. А теперь в ней появилась одна хрупкая переменная, которая могла разрушить всё — или сделать меня человеком.

— Завтра, — произнёс я, ставя бокал на стол с чуть более громким стуком, чем требовалось. — Завтра мы усилим охрану вокруг больницы. И пусть кто-нибудь из людей Хариша будет рядом с ней всё время. Никаких исключений.

— Сделаем, — коротко бросил Марко, и в этом «сделаем» я услышал не просто согласие, а обещание, что они прикроют мою спину, даже если я сам перестану её видеть.

Когда они вышли, я остался один. Тишина кабинета давила, но я не включал свет — пусть темнота скроет то, что я не хотел признавать даже сам себе: я боялся. Не за себя. За неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.